

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО У СИБИРСКИХ ТАТАР В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Г. Т. Бакиева

Прослежена роль духовенства в жизни мусульманской общины сибирских татар с середины XVIII до начала XX в. Проанализированы структура приходского духовенства, его иерархичность. Показаны порядок и условия назначения на духовные должности, права и обязанности сельского духовенства. Отмечено усиление регламентации властями деятельности мусульманского духовенства на протяжении исследуемого периода. Сделан вывод о том, что мусульманское духовенство, являясь консолидирующим звеном татарской общины, рассматривалось властями как низшее звено самоуправления.

В XVIII — начале XX в. административное устройство сибирских татар отличалось уникальной особенностью: жители одного и того же селения административно относились к разным волостям. Это было связано с делением жителей по сословному принципу. Каждое сословие имело свою администрацию в лице сельских старост или десятников, платило разные подати.

В отличие от сельской общины, которая выполняла фискальные, административные, поземельные и хозяйственные функции, приходская община включала всех жителей аула, независимо от сословной и административной принадлежности, и осуществляла функции, которые можно охарактеризовать как духовные, нравственные и воспитательные. Проблема соотношения сельской и приходской общины является на сегодняшний день актуальной и требует проработки.

При изучении ислама в Сибири большое значение имеет деятельность приходского духовенства. Мусульманское духовенство в сельских приходских мечетях составляли хатыбы (проповедники), имамы (руководители общей молитвой) и муэдзины (маязины) или азанчей (служка, призывающий на молитву), при простых мечетях — имамы и муэдзины. Сибирские татары называли таких служителей мечети *мулла*. В юртах Бегишевских и Второвагайских Вагайского района мулла называли *муллака*. Из числа сельского духовенства выделялись потомки шейхов — *ших-мулла*. Они следили, кроме прочего, и за святыми местами (*астана*) [ПМА].

Имам выступал как духовный руководитель, глава мусульманской общины. Функция хатыба заключалась в произнесении *хутбы* — речи перед праздничной молитвой, а также праздничной проповеди. Как считает Д. Д. Азаматов, между хатыбом и имамом в реальности не существовало никаких различий, и губернские власти при утверждении их в должности использовали термин «мулла». В обязанности муэдзина или азанчая входило собирать верующих на молитву, призывать имама и объявлять о начале богослужения. Иногда муэдзин мог исполнять функции имама, если это оговаривалось в указе [Азаматов, 1999. С. 89].

Существовала еще одна мусульманская духовная должность — ахун. В 1847 г. Оренбургское духовное собрание уведомляло правительство о полномочиях и статусе ахунов. Отмечалось, что ахуны определяются прежде всего из имамов, а главной их обязанностью является разбор семейных ссор и неурядиц. Приходский ахун избирался вместо выбывшего по тем же правилам, что имамы и муэдзины. Должность ахуна давала большие права при разбирательстве дел мусульман, и поэтому к ней стремились многие имамы. Статус ахуна определил муфтий Габдулвахид Сулейманов в донесении от 26 октября 1861 г. Он отмечал, что «звание ахуна, как и муфтия, есть отдельная должность от приходского духовенства. Оно дается Собранием отдельно от звания имама или с присоединением к нему». Собрание, уточняя статус ахуна, отмечало, что оно свои обязанности по контролю за действиями мулл в духовном отношении осуществляет только через посредство ахунов, и считало, что звание ахуна следует давать не всякому избранному или желающему, а по округам. В зависимости от компактности проживания мусульман в ведении ахуна в округе должно находиться от 25 до 100 приходов. В обязанности ахуна должны были входить наблюдения за приходскими имамами, рассмотрение дел по спорам мусульман, а также вопросы обучения в мектебах и медресе. Он ежегодно предоставлял отчет о своих действиях Оренбургскому духовному собранию. При этом было условие — на должность ахуна могли выдвигаться только имамы и хатыбы, прослужившие не менее трех лет

[Азаматов, 1999. С. 93–94]. В Тобольской губернии в каждом округе в 1882–1918 гг. выделялось по одному ахуну. Только в Тобольском уезде ахунами были назначены два человека — имам юрт Кызылбаевских Вагайской волости Мухаметхафиз Мухаметрахимов и имам юрт Исеневских волости Оброчных чувальщиков Абдулмазит Ануваров; в Тюменском уезде ахуном был житель юрт Ново-Шабабинских Бухарской волости; в Ялуторовском уезде — житель юрт Авазбаевских одноименной волости Мухаметзян Хамитов [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 10. Д. 205. Л. 212–215]. Общая численность приходского духовенства у татар-мусульман в Тобольской губернии определялась по числу приходов — 150 [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 10. Д. 205].

Приходское мусульманское духовенство на основе указов 1796 и 1801 гг. приравнивалось к сельским обывателям, к служащим по выбору в низших расправах. Они освобождались от рекрутской повинности и телесного наказания, пока занимали должность [В память столетия..., 1891. С. 23].

По существующему правилу духовные лица избирались жителями селения — общим собранием прихожан, независимо от сословной и этнической принадлежности. По закону 1876 г. при выборе духовных лиц устанавливалось правило: на избрание их должно быть изъявлено желание 2/3 «старейшин» семейств прихода. Приговор подписывался всеми избравшими лицами, затем через волостного старшину передавался в уездное полицейское управление, а оттуда в губернское правление, которое и утверждало выбор окончательно [Сборник законов..., 1899. С. 3]. Как видно из положения, данный закон свидетельствует, с одной стороны, о самостоятельности общины в выборе духовенства, с другой — о вмешательстве официальной власти в деятельность приходской общины.

Важным условием для кандидатов в муллы было наличие специального духовного образования, которое подтверждалось соответствующим свидетельством Оренбургского магометанского духовного собрания. Вот пример такого свидетельства, данного Мухаметсакию Юмашеву, жителю юрт Подъемных волости Оброчных Чувальщиков Тобольского уезда: *«По Указу Его императорского Величества, в Присутствии Оренбургского Магометанского Духовного собрания, вследствие просьбы инородца Тобольской губернии Тобольского округа юрт Подъемных Мухаметсакия Абубакирова Юмашева согласно 1238 ст. XI тома 1-й части (изд. 1857 г.) было сему Юмашеву учинено испытание в знании правил магометанской религии, по которому оказался быть способным: имамом хатыпом и мударрисом. В удостоверении чего и выдается ему, Юмашеву это свидетельство, с тем, что оно, показывая о его познаниях, не предоставляет ему право исправлять духовные требы впредь до утверждения его в духовном звании губернским начальством в приход, в который будет выбран. Г. Уфа февраля 1 дня 1896 г.»* [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 578. Л. 5].

В конце XIX в. появляется новое условие для кандидатов в должность мусульманских приходских служителей — знание русского языка. Оно должно было подтверждаться специальным свидетельством училища. Примером такого документа может являться свидетельство, выданное Тобольским уездным училищем упомянутому выше Мухаметсакию Юмашеву. В нем было указано, что *«настоящее свидетельство с приложением надлежащей печати от Тобольского уездного училища выдано Мухамет-Саки Абубакирову Юмашеву, инородцу юрт Подъемных... в удостоверении того, что он успешно выдержал испытание в знании русского языка, установленное для кандидатов на должность сельского муллы»*. Подписали это свидетельство председатель комиссии, учитель русского языка и учитель арифметики и геометрии [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 578. Л. 6].

Власти следили и за тем, чтобы кандидаты на должности приходского духовенства были благонадежны, не привлекались к суду. Губернское управление предписывало Полицейскому управлению требовать от кандидатов подписку о непринадлежности к противозаконным обществам и сектам [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 578. Л. 8].

Кроме того, согласно ст. 1205 закона от 1857 г. избранным на должность имама, муллы и хатыба требовалось быть не моложе 22 лет, в ахуны, мударрисы — не моложе 25 лет, муэдзины — не моложе 21 года [ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 579. Л. 9; Азаматов, 1999. С. 90].

Немаловажным условием для избрания на должность муллы были и личные и нравственные качества. Употребление спиртных напитков и курение табака для любого правоверного было запрещено Кораном. А если в подобном было замечено духовное лицо, то это могло послужить основанием для отстранения от должности.

Можно назвать еще одно требование, которое предъявлялось кандидату на должность приходского муллы, — крепкое здоровье. Это условие, как видно, не было случайным, поскольку мулле приходилось выполнять много обязанностей, и только при наличии отменного здоровья эта деятельность была успешной. Например, в одном деле, разбиравшемся Оренбургским духовным собранием, по поводу оставления на службе муллы, мы видим, что он страдал различными болезнями, которые и подтвердил лекарь. На этом основании, ссылаясь на мусульманский закон, высший духовный орган мусульман запретил данному мулле в дальнейшем выполнять духовные обязанности [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1083. Л. 2].

Только после соблюдения всех этих формальностей кандидату в муллы выдавали Указ о назначении его в должность. Указ выдавался от имени «Его императорского Величества из Тобольского Губернского управления». После выдачи Указа мулле приводили к присяге на верность службе [Там же. Л. 15–16]. За таким муллой закреплялось наименование указного.

Срок службы в звании сельских духовных лиц не ограничивался. Как правило, духовенство выполняло свои обязанности до смерти. Так, в 1833 г. прихожане д. Аиткуловой Подгородной волости Тарского округа обращались в Оренбургское духовное магаметанское собрание с тем, чтобы духовные власти разрешили Абдучалилу Хильвадееву, исправляющему должность муллы уже в течение 30 лет, продолжать исполнять обязанности до его смерти. Из данного дела узнаем, что мулла Абдучалил — «точный образец правоверного мусульманина» за время своей службы «приобрел себе сердечную любовь, почтение и высокое уважение прихожан, каковое нами и детьми нашими останется незабвенным» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1083. Л. 2].

Иногда, по желанию самого муллы, община освобождала его от обязанностей, выбрав на его место другого. Так, из дела от 1896 г. узнаем о прошении указного муллы юрт Больше-Каскаринских Тюменского уезда Таштимира Минезерова Алишкина, который в течение 51 года служил в этой должности (с 1845 г.). В своем прошении мулла обращается к губернскому управлению с тем, чтобы его «*по случаю старости и болезненного состояния*» освободили от выполнения обязанностей и избрали на его место родного внука [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1083. Л. 3].

Мусульманское приходское духовенство могли отстранять от должности на время за злоупотребление или невыполнение обязанностей. Так, в 1831 г. был отстранен от своей должности ахун Тюменского округа Неаматулла Мавлютов «до решения дела с подпиской, чтобы не вступал в должность» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 882. Л. 20 об.–21]. В 1836 г. тот же Мавлютов был изобличен в другом проступке — ложном доносе. В этом случае ахун уже был подвергнут аресту и содержался в гауптвахте две недели «на хлебе и воде» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1087. Л. 24 об.]. В другом деле от 7 октября 1840 г. приходский мулла д. Себеяковой Тарского округа Исак Мухаметдинов был отстранен от должности на три месяца. Причиной удаления от должности было венчание лиц, относящихся к другому приходу [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1085. Л. 102 об.–103].

Мусульманское духовенство выполняло разнообразные функции в жизни общины. Они были связаны не только с отправлением религиозных обязанностей. Важной обязанностью приходского духовенства, утвержденной и Оренбургским духовным собранием, являлось ведение метрических книг. Эта обязанность была введена в 1828 г. [В память столетия..., 1891. С. 24], а затем подтверждена 14 мая 1874 г. на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета [ПСЗ. Т. 49. Отд. 1. № 53522].

В метрических книгах записывались сведения о рождении, браках и смерти мусульман. Метрических или шнуровых книг направлялось в каждый приход по два экземпляра: один отсылался через губернское правление в Оренбургское духовное собрание, второй оставлялся при мечети. Допускалось ведение метрических книг на татарском языке, в том случае если мулла не знал русского [Сборник законов..., 1899. С. 3]. При этом духовные власти следили за тем, чтобы мулла выполнял религиозные требы и делал записи по ним, как-то: заключение брака, наречение имени, похоронные и поминальные обряды только в отношении своих прихожан, не вмешиваясь в дела других приходов. Как видно из дел Оренбургского духовного магаметанского собрания иногда такое происходило. Например, мулла д. Себеяковой Исак Мухаметдинов был отстранен от должности «с отображением от него метрических книг» именно за то, что он венчал лиц не своего прихода [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1085. Л. 94, 102 об.].

Муллы, как правило, являлись одновременно и учителями детей односельчан. Жены сельских мулл — муллыны, абыстаи — занимались обучением девочек [Гарифуллин, 1997. С. 62].

Например, из обзора Ялуторовского округа за 1887 г. видим, что там имелось 14 мусульманских школ, в которых обучались 265 мальчиков и 191 девочка. Обучением этих детей занимались приходские муллы, и сами школы устроены при мечетях. Там же читаем, что мулла «за право учения детей получает от родителей добром и деньгами, по их между собой соглашению» [Ислам..., 2004. С. 64]. А. П. Лысов, говоря о татарах Тюменского округа в 1897 г., отмечал, что здесь обучение ведется на дому, при мечетях у мулл (и их жен) в течение одной зимы, а затем более способные отправляются для продолжения учебы в медресе [Лысов, 1898. С. 1]. Оренбургское собрание присваивало приходскому духовенству специальные учительские звания: старший учитель — мударрис, заведующий медресе (высшее звание); мугаллим — учитель второго ранга; мугаллим-сабиян — учитель малолетних детей (низшее звание). Звание мударриса могло присваиваться только имамам, а мугаллимом и мугаллим-сабияном могли стать и муэдзины [Азаматов, 1999. С. 144].

Иногда муллы лечили людей. В юртах Вершинских Вагайского района старейшие жители помнят муллу Хамзу, который с помощью молитвы лечил некоторые болезни [ПМА, 2004].

Мусульманское духовенство не получало жалованья от государства. По существовавшему закону сельское духовенство должно было платить подати и нести повинности, но по желанию прихожан община могла освобождать его от платежа податей и распределять их между собой. Как свидетельствуют материалы, община сибирских татар часто пользовалась этим правом и, более того, предоставляла содержание духовенству. В пользу муллы каждый член общины выделял пять частей (*пищем*) от собранного урожая (*оцэр*): две части овса, две — ржи, одну — пшеницы, а также копну сена с десяти. В Тобольском Заболотье до сих пор рыболовные артели выделяют мулле одну часть от выловленной рыбы [ПМА, 2001]. Кроме того, имамы и муэдзины получали от прихожан вознаграждение за совершение различных обрядов: за наречение новорожденного, бракосочетания и молитвы во время похорон и после них. Значительные пожертвования в пользу духовенства поступали в дни мусульманских праздников — Курбан-байрам, Ураза-байрам [ПМА].

Деревенские муллы обладали правомочием составлять такой документ, как завещание. В нашем распоряжении имеется пример такого завещания, оставленного Адельшой Айтуллиным, жителем юрт Сабанакровских (17 апреля 1895 г.). Из этого документа мы узнаем, что имущество после смерти оставляется жене Айтуллина Убейбе. Духовное завещание засвидетельствовано муллой Аширмухаметом Сейдяшевым. При составлении его, кроме муллы, были «почетный гражданин» Александр Крылов и свидетель отставной майор Якут Кульмаматьев [Бакиева, 2003. С. 150–151].

К сельскому мулле обращались по многим спорным вопросам, возникавшим между общинниками. Вместе с сельским начальством (старшинами, опекунами, десятниками) и лучшими людьми мулла рассматривал дела, связанные с супружескими отношениями. Так, с 1794 по 1800 г. в юртах Каскаринских Тюменской округи рассматривалось дело супружеской пары Кучуковых Калметя и Калисы. Из дела становится ясным, что Калмет живет со своей женой «*в несогласии и каждовременно без всякой винности бьет ее смертельно*». Данное дело рассматривалось многократно, брались подписки от обвиняемого о том, что он, Кучуков, не будет впредь «*ни бранить, ни бить ее (жену.— Г. Б.)*». Однако, как видно из дела, мулла при участии сельского начальства все же развел супружескую пару, «*дабы он Кучуков не учинил смертного убийства*» [ГУТОГАТ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 3464. Л. 6–11 об.].

Аналогичное дело рассматривалось в юртах Карбанских в 1792 г. Как выясняется из него, Алтъяр Ягнин и его отец Ягней Мятиков «*непорядочно содержали*» и «*бесчеловечные побои*» применяли по отношению к Канибе, жене Алтъяра. Инициатором суда и главным обвинителем выступал местный мулла Метели Машкин [Бакиева, 2003. С. 137].

Право мусульманского духовенства решать брачные дела в приходах было подтверждено Положением от 5 мая 1811 г., а в 1830 г. — положением о неповиновении детей их родителям. Апеллировать по таким делам можно было, обращаясь в Оренбургское магометанское собрание [В память столетия..., 1891. С. 24, 28].

На практике к сельским муллам односельчане обращались не только по семейным делам, но и по другим спорным вопросам, например для вынесения наказания за воровство, телесные повреждения, и для решения других дел. Суд в татарском селении происходил следующим образом. Потерпевший сообщал о случившемся событии мулле и выборному десятнику. Затем десятник назначал день собрания (*кинеш*), оповещал жителей деревни о готовящемся меро-

приятии и приглашал муллу для ведения дела на собрании. При вынесении решения мулла опирался на обычное право и нормы шариата. Часто за различные проступки назначалось телесное наказание, которое производилось выбранными муллой членами общины. Наказание обычно производилось здесь же на собрании при большом скоплении народа [ГМА].

Духовные лица общины следили за нравственностью односельчан. В частности, обычное право сибирских татар запрещало азартные игры. Если все же человек был замечен в азартных играх, то ему делалось увещание со стороны духовенства, при повторном уличении в том же такого человека пороли розгами либо содержали под арестом до трех дней [Бакиева, 2003. С. 141].

Указом от 8 июня 1837 г. правительство запрещает духовенству наказывать мусульман телесно. Религиозное учреждение могло лишь наложить на виновных духовное покаяние и соблюдение поста (ураза). Позже Оренбургское магометанское духовное собрание подтверждает данный указ постановлением 1875 г.: «Всем муллам строго воспрещается осмеливаться подвергать прихожан за поступки телесным и иным наказаниям и вообще принимать на себя не свойственную их обязанности роль судей» [Азаматов, 1999. С. 167]. Так, следуя новым положениям, решилось дело татар Тарского округа в 1839 г. о прелюбодеянии Ниясбагина и Бексултаны Чубаровой. Наказание было назначено в виде наложения поста в 40 дней и чистосердечного раскаяния: первому — в мечети, второй — у приходского муллы в день по три часа [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1287. Л. 5–7].

Сельский мулла пользовался особым уважением среди односельчан. Одно из свидетельств глубокого уважения к мулле показано И. Юшковым в Тобольских губернских ведомостях за 1861 г.: «В Саусканских юртах Тобольского уезда к мулле такое питали уважение, что, встречаясь с ним на улице, снимали пред ним шапки за несколько сажень и низко кланялись, считая его святым, не смея перейти ему дорогу».

О некоторых муллах, особо почитаемых сельчанами, после смерти слагаются легенды, и могилы их считаются святыми. Примером является Суючбак муллы из деревни Иземеть Тобольского района. Местные жители причисляют его к святым за то, что он вел праведный образ жизни и отличался многими талантами: мог лечить некоторые болезни, совершал чудеса [ГМА, 2001].

Приходское мусульманское духовенство было подконтрольно Оренбургскому духовному магометанскому собранию, которое было открыто в г. Уфе 4 декабря 1789 г. Утверждалось, что Собрание ведет все дела, имеющие отношение к религии, и непосредственно «начальствует» над всем мусульманским духовенством. Так, Оренбургское магометанское собрание имело следующие основные полномочия: 1) устанавливало испытание лицам, желающим занять какую-либо духовную должность; 2) осуществляло надзор за действиями мулл, относящимися к духовным их обязанностям; 3) накладывало взыскания за нарушение этих обязанностей; 4) решало дела о построении мечетей и о назначении к ним духовенства; 5) рассматривало жалобы на духовенство; 6) решало дела, связанные с введением метрических книг [В память столетия..., 1891. С. 30].

Связь муфтия с приходским духовенством осуществлялась через указы, распоряжения и постановления Духовного собрания. Власти не позволяли муфтиям лично инспектировать приходское духовенство. Муфтии совершали инспекционные поездки с разрешения Министерства внутренних дел и губернаторов [Азаматов, 1999. С. 111–112].

В заключение можно сделать следующие выводы. Власти предоставляли приходскому духовенству самостоятельность в решении многих вопросов. Они рассматривали приходское духовенство (наряду с выборными сельской общины — старшинами, десятниками и др.) как низшее звено самоуправления. В то же время важная роль приходского духовенства определялась тем, что оно являлось консолидирующим звеном татарской общины, выступая в роли авторитетного лица у ее членов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII — XIX вв. Уфа, 1999.
- Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). М.; Тюмень, 2003.
- В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в г. Уфе. Уфа, 1891.
- Гарифуллин И. Б. Школьное образование у татар Тюменского края в дооктябрьский период // Общество. Школа. Педагог: Материалы VI Тюм. обл. науч.-практ. конф.). Тобольск, 1997. С. 62.
- Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / Сост. И. Б. Гарифуллин. Тюмень, 2004.

Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII — начале XX в.

Лысов А. П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 году: (Историко-статистический очерк). Тюмень, 1898.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 49.

Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. Казань, 1899.

Тобольские губернские ведомости. 1861. № 37.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article traces a role of clergy in life of a Moslem community of Siberian Tartars from mid XVIIIth to the early XXth centuries. Subject to analysis being a structure of a parish clergy, its hierarchy, order and stipulations as to an appointment to clergy posts, as well as rights and liabilities with the country clergy. The paper illustrates reglamentation strengthening on the part of the powers regarding activities of the Moslem clergy during the studied period. A conclusion arrived is that the Moslem clergy, as a consolidating chain of the Tartar community, was treated by the powers as a basic chain of self-government.